

[Плацебо]. Навык, в котором она ненавидела нуждаться, потому что это означало, что ей приходилось полагаться на что-то ещё, кроме своих медицинских знаний. Ох, конечно, он был полезен, в этом нет никаких сомнений. Оливия вкладывала в него все свои очки навыков, какие только могла. Но...

«...если бы только это было просто из-за отсутствия навыков.»

Наконец, успокоившись, она встала, оперлась на стену, сделала несколько шагов вперед, а затем рухнула на убогую кровать в углу комнаты. Это проклятое умение заставляло её испытывать противоречивые чувства.

Комментарии, которые другие [Доктора] делали ей, по-настоящему ранили. Ей потребовалось немало усилий, чтобы её вообще впустили сюда, и они даже заставили её доказать свои навыки, с помощью ответов на поток медицинских вопросов.

Ей удалось ответить только наполовину. Остальные... просто представляли из себя те вещи, которым она никогда не училась. У неё никогда не было возможности учиться, потому что её образование было прервано. Но она проявила настойчивость, продемонстрировала свое умение диагностики, и остальные смягчились.

Что они теперь о ней думают? Теперь, когда она вылечила то, что, как предполагалось, было далеко за пределами её уровня или знаний для лечения?

Потому что так оно на самом деле и было. Оливия повернулась на кровати, уставившись в тёмный потолок над головой. На самом деле она не знала, как вылечить магическую болезнь — конечно, не знала. Но ей удалось убедить пациентов, ожидавших в этой палате, что она может, и это было все, что имело значение для её навыка. А её подлинные способности к медицине не имели к этому никакого отношения.

Она оттачивала свое умение пользоваться этим навыком с тех пор, как покинула Палонь. Сначала мелкие дела, внизу, в шахтах. Помощь своим товарищам по команде в ориентировании в темноте и в излечивании мелких недугов. И чем сильнее помогали таблетки, тем эффективнее они становились. Оливия поморщилась, вспомнив дуэль. Файетт даже удалось избежать потери крови с помощью этой проклятой таблетки.

Но вера была такой хрупкой вещью. И снова ей в голову пришел тот же вопрос.

«Если другие узнают, что я использую... если Мари использует свой навык [Оценки] на мне... что произойдет? Смогу ли я когда-нибудь снова помочь им?»

Это была еще одна причина, по которой она ненавидела этот навык. Если все могло так легко полететь к чертям, действительно ли она могла так сильно полагаться на него? На самом деле на него нельзя было положиться как на замену всему остальному.

Но все эти аспекты были лишь частью причины, по которой ей не нравился этот навык. Большая часть, главная часть, была связана с тем, что он из себя представлял.

Что представлял собой её класс.

И вообще, что такое [Подзаборный Доктор]? Что означала область навыков Превратная Клятва?

Оливия достала свою бутылку и быстро отпила глоток ликера. У неё зашипало в горле, точно так же, как её класс всегда жалил её. Она не думала, что название класса выбрано подходящее. Она знала, как он должен называться на самом деле.

Вот почему она ещё не получила основной навык. И почему она приобретала новые навыки именно таким образом.

Может быть, из-за этого ей и впрямь было самое место под забором, но этого названия было недостаточно, чтобы понять, что этот класс из себя представляет. Оливия отпила второй глоток ликёра, а затем посмотрела на свое отражение в бутылке. Она увидела усталые, запавшие глаза.

Нет, лучшим названием для её класса было бы [Клятвопреступный Доктор], потому что именно им она и была. Именно так она получала новые навыки. Когда-то, на самом деле не так уж и давно, она дала много клятв. Потому что она чувствовала, что это правильно.

А потом она начала их нарушать.

Однажды она поклялась никогда не отказывать пациенту в лечении из-за необходимости вознаграждения. Затем она сказала [Лорду], что поможет исцелить его только в том случае, если он согласится на её условия. Она повысила уровень и получила свой навык [Медицинский Контракт].

Конечно, в тот момент это казалось таким правильным, таким легким, но для клятв это не имело значения. Шантаж [Лорда] был очевидным и правильным поступком, но её класс это не волновало. Он снова заклеил её как клятвопреступницу и, как всегда, вознаградил её.

Когда-то она поклялась никогда не лгать пациенту. Никогда не вводить его в заблуждение относительно его болезни, даже ради надежды или душевного спокойствия. Ей казалось, что так правильно. Ей никогда не нравился ложный покой, который давали некоторые, предпочитая ему мрачную правду. Затем, после Палони, она приобрела свой навык [Плацебо] — нечто, построенное на этой лжи.

Она чуть не швырнула бутылку, которую держала в руке, прямо в стену. Потому что этот её навык раздражал её больше всего — она даже не знала, какую ложь она тогда сказала. Она

встала и, сев у кровати, и снова принялась ломать голову.

«Что я делала в Палони? Какую ложь я сказала? Я никогда никого не вводила в заблуждение, по крайней мере, насколько я помню. Я... я не лгала. Я действительно так считаю.»

Но её класс осудил её, и поэтому это должно было быть правдой. Но всё же она не знала. Это была самая худшая часть. Отсутствие ясности.

О да, Оливия знала, почему у неё ещё не было основного навыка. Она нарушала клятвы, но ни одной из них ещё не было достаточно для её класса. Не было ничего достаточно великого или достаточно греховного. Что для этого потребуется? Как низко ей придется пасть?

Даже самой первой клятвы было недостаточно, той, с которой всё началось. От которой она получила, возможно, самый сильный свой навык — её [Передачу Состояний]. Клятвы, из-за которой она получила этот класс — той, которая была корнем и причиной всего. Потому что... после нарушения одной клятвы переступить через остальные стало намного проще, верно?

Тот день был так ясен в её памяти, как будто всё это произошло только вчера. Оливия смотрела на свое отражение в бутылке, сидя в комнате, освещенной серым светом, и вспоминала.

Оливия провела свое детство по другую сторону пролива, разделявшего монархию, в маленькой деревушке на берегу реки Темзы. Она была болезненным ребенком, всегда страдавшим от той или иной болезни, и её семья была весьма бедной. Медленно, но верно её состояние становилось всё хуже и хуже, поскольку её семья не могла позволить себе лечение, в котором она нуждалась. Они боялись худшего.

Пока не пришел [Доктор]. Для неё всегда был и будет только один [Доктор]. Конечно, другие могли иметь такой класс, но этот мужчина навсегда останется единственным, о ком она будет думать как о его воплощении.

Лучше всего она запомнила его добрую улыбку и игривые глаза. В остальном о нём можно было сказать, что он старый, но такое описание ему на самом деле не очень подходило, поэтому она запомнила лишь глаза и улыбку. Этот мужчина приехал в их деревню, увидел состояние 8-летней девочки и предложил её вылечить.

Бесплатно.

Когда её родители попросили принять оплату, мужчина только рассмеялся, и в его глазах блеснул огонек.

— Каким бы я был [Доктором], если бы оставил здесь такую бедную девочку? — сказал он,

поглаживая юную Оливию по голове.

Но он так и не нашёл решения. По крайней мере, не сразу. Когда Оливия вернулась из его импровизированной клиники к своим родителям, всё ещё кашляющая и с бледной кожей, они плакали и обнимали её. Но потом, на следующий день, [Доктор] вернулся. Его улыбка была ободряющей.

— Какой [Доктор] сдастся после всего лишь одной попытки?

Так Оливия пошла с ним и в этот день. И на следующий, и на следующий после этого, и на целую следующую неделю этот человек остался в деревне.

А затем он покинул деревню, принося большие извинения родителям Оливии, потому что не мог остаться. У него были обязанности и ему нужно было ухаживать за другими пациентами. Но, покинув деревню, он сел в свой экипаж и начал возвращаться в большой город.

Оливия отправилась с ним.

Для восьмилетней девочки оставить своих родителей и жить в большом, вонючем и страшном городе было ужасно. Она много плакала. Но потом [Доктор] дал ей пососать конфетку и погладил её по голове.

И всё же, даже с таким сладким леденцом во рту, Оливия сомневалась. Пока повозка тряслась и скрипела на извилистой дороге, она посмотрела на [Доктора] и задала вопрос с честностью ребенка.

— Действительно ли для меня есть лекарство, мистер [Доктор]? Можно ли его найти в большом городе?

Он серьезно посмотрел на неё и ответил честно, потому что этот человек никогда не лгал.

— Я не знаю, маленькая Оливия. Пока нет. Но именно в этом суть науки и медицины. Ты работаешь над загадками, находя что-то новое и опровергая старые ошибки. Затем ты учишь других тому, чему научился сам, и они продолжают твоё дело. Год за годом наращивается прогресс. В конце концов, всё станет известно. Ты понимаешь?

И Оливия кивнула, потому что действительно поняла. При этих словах её глаза заблестели. Это был тот день, когда она впервые поняла, что такое быть [Доктором]. Возможно, именно в тот день она решила, что тоже хочет стать такой. Знания... раньше она на самом деле не думала об учебе и школе, но теперь, внезапно... она обнаружила, что жаждет всего этого.

— Я понимаю, мистер.

— Это хорошо, но я хочу сказать ещё одну вещь. Меня зовут не мистер и не [Доктор]. Пожалуйста. Зови меня Томас.

Томасу потребовалось два года, чтобы найти лекарство от болезни молодой девушки. На это потребовалось много проб, много настоек и трав, много навыков от коллег с различными вариациями класса [Доктор]... но он справился.

Оливия ни на йоту не сомневалась в нем. Когда она выпила последнюю настойку, руки у неё дрожали от волнения, она посмотрела на улыбающееся лицо [Доктора] и почувствовала... страх. Не того, что настойка не подействует — нет. Она боялась, что она сработает. И что ей придётся уехать.

Потому что жизнь с Томасом была намного интереснее, чем её прежний быт в деревне. Больше не нужно было заниматься рукоделием, чтобы быть хорошей домохозяйкой, больше не нужно подолгу помогать в поле. Здесь всегда было чему поучиться. Новые книги для чтения. Может быть, только может быть... даже возможность для нового класса.

Но затем настойка подействовала, и её бледный цвет лица постепенно улучшился, а её недоразвитое тело начало расти так, как оно и должно было расти. В тот день она заметила несколько слезинок в глазах Томаса, когда тот думал, что она не смотрит.

Итак, две недели спустя, как только позволило расписание, Томас отвёз её обратно к родителям. Они выглядели иначе, чем в воспоминаниях Оливии. Она вцепилась в длинное пальто [Доктора], не желая отпускать его, но мужчина оторвал её от себя и ушёл, всё с той же ободряющей улыбкой на лице.

Оливия посмотрела тогда на своих родителей и обнаружила, что их улыбки были напряжёнными. Утомлёнными. Она обняла свою мать и на следующий день вернулась к рукоделию.

Год спустя она сбежала. Спрятавшись в экипаже и покусывая скудный кусочек хлеба, который она взяла с собой, Оливия сумела добраться до города и сразу же вернулась в дом [Доктора], яростно постучав в дверь на рассвете. Томасу потребовалось несколько минут, чтобы ответить, и Оливия почувствовала укол страха, что его нет.

Но затем он открыл дверь в защитных перчатках и маске на лице. Очевидно, он только что закончил какую-то процедуру для измождённого нищего, который ждал в задней комнате. Он улыбнулся Оливии, и на этот раз... Оливия улыбнулась в ответ. В её глазах горел огонь.

— Я тоже хочу учиться и стать [Доктором].

Конечно, сначала были проведены переговоры. Напряженные переговоры в деревне с её родителями и долгие часы, пока они ругали её за безрассудное бегство. Но в конце концов Оливия всё-таки начала учиться в городе, работая бок о бок с Томасом [Клятвенным Доктором], и только тогда она по-настоящему узнала, насколько удивительным был её учитель.

И какими подлыми были другие [Доктора].

Она никогда по-настоящему не задумывалась об этом, поскольку привыкла к своей деревне, но клиника Томаса не была роскошным местом. Она находилась в бедной части города, скромное одноэтажное здание с четырьмя комнатами. Она встречала [Докторов] намного ниже своего учителя по уровню, которые жили гораздо величественнее.

Но они помогали только в том случае, если у пациента были деньги, чтобы заплатить. Они не останавливались возле нищих на улице, чтобы убедиться, что с ними всё в порядке, и насмеялись над Томасом, когда тот не смотрел в их сторону, но Оливия это видела. И вот она спросила.

— Учитель, почему бы вам не поставить этих других на место? Они и вполнину не так хороши, как вы!

Томас улыбнулся ей так, как никогда не улыбался ее отец.

— Какой от этого был бы прок? Но подумай, юная Оливия. Человек, с которым мы только что разговаривали, [Доктор] Крели, он на десять лет старше меня по возрасту, но на десять лет младше по уровню. Ты думаешь, это совпадение? Дай ему выговориться, у нас есть дела поважнее.

Итак, Оливия начинала восхищаться им все больше и больше. За все клятвы, которые он сдержал, и за всех людей, которых он исцелил. Томас никогда не требовал оплаты, но многие всё равно платили, сколько могли. Он никогда не отворачивался от пациента.

Он поклялся во всём этом. И вот, в конце концов, Оливия тоже поклялась в этом, потому что хотела однажды стать такой же, как он. Путь в будущее был ясен. Конечно, Томас был не самым богатым, но у него были связи и самое главное друзья. Как только она достигнет совершеннолетия и соответствующего уровня, он проспонсирует её поступление в академию и устроит всё так, чтобы она смогла стать настоящим [Доктором].

Прошло время, Оливия получила свой класс, выбрала для себя [Целителя] и продолжила обучение. С каждым днем её убежденность росла.

Пока не пришла магическая чума, и город не погрузился в хаос.

Она помнила тот роковой спор так, словно это было вчера. Потому что это был один из немногих случаев, когда она помнила, что Томас не улыбался. Его глаза и рот, опять же, были единственными вещами, которые она по-настоящему помнила.

— Ты не можешь говорить это серьёзно, все остальные уходят! Они сказали, что [Королевский Доктор] прибудет через неделю!

Мужчина никак не отреагировал на слова Оливии, просто продолжал выглядывать из-за занавески на окне, внимательно осматривая улицу и следя за ситуацией.

Потому что пришла чума, и он сказал, что будет только хуже. Прямо сейчас это был в основном просто тяжёлый грипп, который начался среди местных фабричных рабочих. Но несколько человек внезапно умерли от болезни, превратившись во что-то худшее.

Мёртвые не оставались мертвыми.

И теперь люди пытались уйти, пробегая по тихим улицам с настороженными и нервными взглядами. Но Томас не собирался уходить. Он задёрнул занавеску, а затем снова посмотрел на Оливию, только немного грустно.

— Я не могу уйти. Я поклялся помогать. И может быть, только может быть...

— Ты думаешь, что сможешь это вылечить? — спросила Оливия, широко раскрыв глаза.

Он не кивнул. Но он всё-таки улыбнулся.

— Как я уже сказал, может быть. Я ещё не пробовал. Кроме того, помнишь свой собственный случай? Сколько попыток потребовалось, чтобы ты выздоровела?

Оливия резко втянула воздух, затем зашипела на упрямого мужчину.

— Он не был очень заразной болезнью монстрофикации!

Его взгляд остался стальным.

— Это лишь делает мое пребывание здесь ещё более важным. На карту поставлены жизни. И кроме того...

Он снова выглянул в окно, низко пригнувшись.

Томас понизил голос:

— ...Уйти может оказаться не так-то просто.

Вдалеке послышались звуки магических взрывов, а затем за окном послышались торопливые шаги. Оливия сглотнула. Начался карантин.

Но она успокоила свое бешено колотящееся сердце и скрестила руки на груди, одарив мужчину торжествующим взглядом.

— Тогда я тоже не уйду! Тебе ведь понадобится помощь, верно?

Его взгляд снова метнулся к ней.

— Нет. Это слишком опасно. — сказал Томас твёрдым голосом.

— Ты только что сказал, что уйти будет нелегко! — заметила Оливия.

Томас стиснул зубы.

— Я смогу вытащить одного человека, я знаю некоторых людей. Ты не останешься здесь.

Оливия попятилась, готовая убежать.

— Нет. Я отказываюсь.

— Не усложняй.

— Это ты всё усложняешь!

Тут выражение лица Томаса изменилось, и Оливия впервые увидела, как ему больно. Потому что в обязанностях [Доктора] и отца были конфликты. Его тёмные глаза смотрели на молодую девушку, стоявшую перед ним, полную вызова. А потом он сдулся, отводя взгляд.

— Мы... посмотрим.

Оливия не видела выражения его лица, но решила, что выиграла спор. После этого день

продолжился, [Доктор] готовил своё защитное снаряжение, а Оливия корпела над бесчисленными книгами о предшествующих магических чумах. Подробностей было мало. Последний раз такая была несколько десятилетий назад.

И вот она отправилась спать в комнату, которая стала её собственной, окно в ней уже было заколочено из соображений безопасности.

Когда она проснулась на следующее утро, дверь не открылась. Она постучала по ней, и вскоре [Доктор] проснулся, чтобы всё объяснить. Это было просто слишком рискованно, очень рискованно для нее — приближаться к кому-либо больному. Он приносил ей еду и запирал дверь. Но он не был готов подвергать её риску заболеть.

Оливия попала под домашний арест. Ей просто нужно было подождать, и всё разрешилось бы без нее.

— Это... абсурд! Ты не можешь этого сделать!

— Я могу, и я поклялся в этом. Это слишком опасно!

Конечно, она подумывала о том, чтобы сбежать через окно... на мгновение. А затем она услышала звуки снаружи. Судя по звукам, дела шли всё хуже, и после того, как она немного глянула сквозь доски, она увидела изменения. Люди больше не прятались по улочкам, пытались сбежать, теперь они прятались по домам, забаррикадировавшись, чтобы переждать, пока всё утрясётся.

И если бы она издала какой-нибудь внезапный звук... Краем глаза Оливия увидела нечто похожее на человека, бегущее на четырёх ногах. Но когда она перевела взгляд, пытаясь разглядеть получше, всё исчезло. Она отшатнулась от окна, упала обратно на свою грязную постель, а затем просто... остановилась.

«Действительно ли в этом есть смысл? Почему он так поступает?» — спросила она себя, размышляя в постели. В каком-то смысле это всё ещё казалось слишком опасным. Конечно, он мог бы просто выгнать её из города или сделать что-нибудь, чтобы заставить её уйти? Зачем он продолжает использовать уловку с домашним арестом?

Затем она села, широко раскрыв глаза от осознания происходящего.

«Может быть, он не может! Из-за его клятв!»

В конце концов, её учитель был не обычным [Целителем], а [Клятвенным Доктором]. Оливия удивленно посмотрела на дверь.

«Какие у него есть варианты? Если я всё-таки вырвусь или сделаю что-нибудь опрометчивое...»

Повлияет ли это на его клятвы? Поражённая, она поняла, что никогда не смогла бы рискнуть чем-то подобным. Вздохнув, Оливия откинулась на спинку кровати и стала ждать, время от времени бездумно листая учебники. И она прислушалась.

Несмотря на то, что происходило на улице, [Доктору] всё же удавалось доставать припасы через своих знакомых и даже приводить некоторых пациентов. Оливия слышала, как они умоляли мужчину о помощи, а также слышала, как Томас заверял их, что сделает всё, что в его силах.

Прошло несколько дней, и постепенно разговоры стихли. Когда Томас в следующий раз принёс ей еду, одетый в толстое защитное пальто и с маской на рту и носу, он на мгновение приоткрыл дверь, чтобы передать еду. Оливия заметила, как потемнели его глаза. Пациенты, которые приходили, не справились. В тот день они не обменялись ни словом, дверь закрылась.

А на следующий день пришло ещё больше пациентов.

Оливия не была точно уверена, сколько времени прошло вот так, [Доктор] работал со своими пациентами, в то время пока она была заперта ради себя самой, но жизнь продолжалась. Она болтала с ним через дверь каждое утро и вечер и мельком видела его лицо, когда он подавал еду.

Она не пыталась сбежать или что-то в этом роде — она смирилась. Какой в этом был бы смысл? В любом случае, она была всего лишь [Целителем] 8-го уровня. Она никак не могла по-настоящему помочь. Поэтому она ждала и прислушивалась.

До тех пор, пока однажды в вечернем разговоре с одним пациентом голос [Доктора] не прозвучал неровно. Его голос звучал уже не так отчетливо, как раньше. Он говорил не так много, как обычно. Когда он ненадолго приоткрыл дверь, на нем было пальто вдвое толще, чем накануне, а его лицо было полностью закрыто маской.

На следующий день он не пришел, чтобы принести ей еду утром. Оливия ждала, расхаживая по своей комнате и прислушиваясь. Она услышала приглушенные звуки, возможно, крики, но не тот голос, которого она ждала. Она недолго колебалась.

Оливия взломала свою дверь. Это заняло у нее некоторое время, она была сделана из прочного дерева, но с острым лезвием в руке она вытащила гвозди один за другим, с бешеной энергией отодвинула доски, а затем протиснулась через образовавшуюся щель.

Выкарабкавшись, она бросилась через жуткий дом, отмечая, что в главном холле и прихожей все было в порядке, но она не увидела Томаса. Поэтому она отправилась туда, откуда доносился звук, в единственное место, где он мог быть. В процедурный кабинет.

Чувствуя растущий страх, Оливия направилась к комнате, пока чуть не подпрыгнула у двери, а затем распахнула ее. Её глаза расширились.

Два мужчины, два лица, которые навсегда запечатлеются в её памяти. Раньше в процедурной было только одно центральное кресло, на котором мог сидеть пациент, и кровать у дальнего края для отдыха, но теперь всё было переставлено. Кровать была убрана, а два массивных деревянных стула стояли сзади, на противоположных концах комнаты, чтобы сидящие могли смотреть друг другу в глаза.

И, сглотнув, Оливия перевела взгляд на крайний правый стул. Тот, откуда не доносилось ни звука. Томас был прикован к креслу железными кандалами, точно так же, как обращались с больными этой болезнью. Должно быть, он сделал это сам, подсказала аналитическая часть Оливии. Но её [Основы Диагноза] вынесли чёткий вердикт.

Не живой. Но и не нежить тоже. Его лицо было испещрено бледными пятнами, похожими на следы бегущих ног, словно болезнь была вынуждена торопиться, чтобы забрать его. Но [Доктор] оказался быстрее, и, как показал пустой флакон у его ног, сумел уберечься от того, что спланировала для него болезнь.

Но его лицо, каким бы безжизненным и бледным оно ни казалось, всё ещё улыбалось. Но это был фарс, мрачное подобие, созданное смертью. И виновник...

Наконец, взгляд Оливии переместился на другой конец комнаты, на другой стул, на сидящего в нём мужчину. На живого человека. Наконец она уловила слова, которые он выкрикивал.

— ...должна отпустить меня отсюда, этот дурак не...

Он бился о стул, цепляясь за цепи, приковывающие его к нему. Оливия на самом деле не разобрала смысла его слов. Она лишь смотрела на здорового мужчину, на котором всё ещё были следы недавней болезни. [Основы Диагноза] выявили его состояние. Восстановление.

Молодая девушка вдохнула и почувствовала, как в ней закипает гнев. Потому что красное лицо мужчины казалось скорее сердитым, чем благодарным. [Доктору] удалось спасти его, заразившись в процессе. Но для чего?

Томас был таким великим человеком. Но человек, который принёс ему смерть... Оливия тогда почувствовала ярость. Потому что тот человек казался таким ничтожным по сравнению с ним. Не стоящим ничего.

Возвращаясь в настоящее, Оливия долго смотрела на бутылку в своей руке. В ней она видела всё те же два лица, которые она помнила. [Доктор] — безжизненный, а пациент — живой.

Именно этот момент пронзил её сожалением и толкнул на этот путь.

Потому что Оливия так и не освободила его. Она не смогла сделать ни шага вглубь комнаты. Молодая женщина лишь стояла в дверном проеме, чувствуя жгучий гнев и ужас, а затем отвернулась. И убежала.

После этого она почти ничего не помнила. За этим следовала долгая неделя пробирания по городу теней и смерти, и внезапное спасение людьми, одетыми в красное, и возвращение к нормальной жизни после этого. Но она никогда не возвращалась назад, никогда не смогла бы вернуться.

И только позже она начала вспоминать этот момент и начала задаваться вопросом. Что случилось с тем человеком в кресле? Неужели она обрекла его на неизбежную смерть от обезвоживания — или на нечто худшее? Может, кто-то прибыл, чтобы спасти его?

Она не знала. Но это был её первый грех. Однажды, разговаривая с [Доктором], единственным настоящим, она поклялась ему никогда не отворачиваться от нуждающегося пациента. И все же — в тот момент она просто ушла.

Годы спустя, когда она, наконец, достигла 15-го уровня после изнурительных усилий, у неё был доступен лишь один настоящий класс [Доктора], словно он ждал её с того момента, с навыком отмечающем её клятву.

«Выжил ли тот человек? Имело ли это значение?»

Вероятно, больше нет. Прошлое осталось в прошлом, и Оливия снова почувствовала, как бутылка зовёт её. Но на этот раз, глядя на бутылку в своих руках, она посмотрела на себя.

Как выглядело её собственное лицо? Конечно, не так, как у Томаса. Она не была такой яркой, такой ослепительной личностью. Но всё же, когда она провела пальцем по линиям своего собственного лица на бутылке, в нём нашлось что-то похожее.

Улыбка.

Это на мгновение потрясло её.

«Действительно ли я улыбаюсь сейчас? На самом деле нет...»

Но потом она посмотрела снова и увидела, что это была другая улыбка. Не совсем тёплая и успокаивающая, как была у того великого человека, но была та последняя деталь, которая завершала улыбку. Ключевая деталь, которую унаследовала Оливия.

Дерзость. Да, именно такой, как ей казалось, была её улыбка, которую она разделяла с этим мужчиной. Он осмелился вести дерзкую жизнь, насмехаясь над всеми другими [Докторами]. А Оливия пошла ещё дальше.

Усмехнувшись, она убрала бутылку. Она не выпила из неё, потому что... у неё были дела поважнее. Оливия встала, в её глазах появилось больше решимости.

Конечно, у неё ещё не было основного навыка 20-го уровня, и она боялась того, что ей придется сделать, чтобы получить его. Оливия никогда не давала клятвы не убивать, но было так много других, которые можно было нарушить.

Но теперь у неё было и кое-что еще. Больше, чем просто нарушенные клятвы. Оливия сунула руку в карман и достала одну из своих таблеток. Она просмотрела на неё, поражаясь тому, какой мрачной и зловещей ей удалось её сделать.

У нее было лекарство.

Оливия отдернула руку и направилась к двери, чтобы вернуться в главный зал.

«Хватит хандрить, есть над чем поработать.»

«И что, если это не то знание, которое я ищу? Лекарство есть лекарство.»

Могла ли она действительно притвориться, что нашла способ излечить магическую чуму? Оливия улыбнулась, потому что ей тоже хотелось это выяснить.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://tl.rulate.ru/book/77105/2815180>